

Павел Иванович Бирюков. Биография Л. Н. Толстого, том третий (Date: 10 - 20 января 2003; Изд: Павел Бирюков. Биография Л. Н. Толстого, книга вторая (Серия "Гений в искусстве"), М., "Алгоритм", 2000; OCR: Адаменко Виталий (adamenko77@mail.ru)) Rem: Прошу проверить орфографию фрагментов на иностранных языках Rem2: В тексте пришлось исправить явную ошибку наборщиков - часть текста из 6-й главы попала в 5-ю. Биография Л. Н. Толстого Том третий Предисловие автора Приступая к составлению третьего тома биографии Л. Н-ча Толстого, я останавливаюсь перед новыми трудностями. Если в 1-м томе мне пришлось употребить все силы на отыскивание материала и на восстановление картин далекого прошлого, свидетели которого уже сошли в могилу; если при составлении второго тома я останавливался перед трудностью проникновения в таинственный процесс перерождения великой души, - то все же, создавая исторические картины, я описывал малоизвестное, почти новое, и интерес этого нового значительно искупал недостатки описания. В третьем томе я испытываю затруднение совершенно другого рода. Все, что я буду описывать, начиная с 1885 г., настолько живо еще в воспоминаниях всего мыслящего общества современного мне поколения, что мне придется говорить о вещах хорошо известных, происходивших на виду и на памяти живущих людей. Абсолютно объективная точка зрения недоступна живо чувствующему человеку. И вот, описывая факты со своей точки зрения, я рискую не удовлетворить моим описанием многих, столь же сильно, но иначе чувствующих читателей, которыми эти события рассматривались под совсем другим углом зрения. Помощью мне в этом деле будет большое количество новых человеческих документов, излагая или приводя которые, я буду стараться отходить в сторону, предоставляя им говорить самим за себя, лишь оттеняя и подчеркивая те места, которые, по моему мнению, стоят большего внимания. Но и эта, доступная объективность, вперед знаю, удовлетворит немногих. Кроме того, изложение событий, в большей части которых я принимал личное участие, неизбежно поведет к изложению моих личных впечатлений от этих событий и воспоминаний о них, и эти впечатления и воспоминания будут вплетаться в отчеты о совершившихся фактах. Я надеюсь, что ценность этих документов, особенно писем Л. Н-ча и заметок из его дневника, будет настолько велика, что интерес к ним искупит недостатки моей работы и пополнит то, на что неспособны были мои слабые силы. Закончить же свою работу или, по крайней мере, довести ее до того современного момента, когда популярность Л. Н-ча достигла наивысшего уровня, когда его жизнь стала чуть не ежедневным объектом всякого рода описаний, расходящихся путем периодической печати по всему миру, довести до этого момента - я считаю своим священным долгом. Таким путем я надеюсь передать мою работу более опытным и искусным мастерам этого дела. Новое в этом томе, т. е. такое, чего еще не было в двух предыдущих томах - это отношение Л. Н-ча ко всему европейскому, американскому и азиатскому миру, что стало заметно именно со 2-й половины 80-х годов прошлого столетия. Это всемирное влияние Л. Н-ча, до которого он дошел вопреки своей скромности, особенно ярко, хотя и не шумно, выразилось в тех сердечных приветствиях из разных стран земного шара, которым ознаменовался недавно пережитый им 80-тилетний юбилей. На этом одном событии я и думаю остановить, если не закончить свою работу, выполнив таким образом задуманный план. Дай бог, чтобы эта работа моя хоть сколько-нибудь послужила к уяснению той великой истины, служению которой посвятил свою жизнь наш дорогой, великий старец, истины о том, что жизнь человека есть ничто иное, как возвращение в себе ростка любви к богу и людям и ко всему живущему. С. Ивановское, 24 июля 1909 г. Эти страницы введения, как показывает дата, были написаны мною шесть лет тому назад, при начале работы над III томом. За эти шесть лет утекло много воды, много было пережито великих, тяжелых и грозных событий. Я здесь коснусь только тех из них, которые могли так или иначе повлиять на ход моей работы. Я оставляю раньше написанное так, как оно было, потому что оно даст верную картину моего настроения и моих намерений при начале работы. 7-го ноября 1910 года перешла в вечность великая душа, жизнь свою положившая на искание истины, на осуществление в своей жизни той доли ее, которая была доступна ей, и на распространение вокруг себя и на весь человеческий мир того света, которого она была скромной носительницей. Как ни крепился я, как ни старался метафизическими умозаключениями отстранить от себя чувство потери, я этого сделать не мог и горько плакал у его гроба и теперь плачу, когда пишу эти строки. Признаю свою слабость, свою ничтожность. Боюсь впасть в никому не нужное самобичевание и потому не прибавляю себе других эпитетов. Я чувствую горе от этой потери, потому что только в редкие, лучшие минуты жизни могу чувствовать близость его духа; для этого нужно быть чистым, а я далек от этого, и нечистота моя мешает мне единению с ним. Но и на том дальнем расстоянии, на которое отодвигает меня мое несовершенство, я питаюсь той духовной пищей, которую он в таком изобилии оставил нам. И я верю в наше полное духовное единение, когда то, что теперь мешает нам, устранился тем или иным путем. Да простит мне читатель это лирическое отступление. Дело в том, что последние дни жизни Л. Н-ча, обстоятельства его кончины необыкновенно расширили биографический материал и вместе с тем с окончанием этой замечательной жизни наложили на меня обязанность довести до конца начатое мною дело описания этой жизни. Все это привело к тому, что мне пришлось разделить имевшийся в моем распоряжении материал уже не на три, а на четыре тома. Гранью